

Пока Цю Чэн каждый день трудился электриком с раннего утра до позднего вечера, чтобы накопить кукурузные лепёшки, на террасе его дома каждое утро появлялся незванный гость.

— Хур-р-р-р... — этот непрощенный гость свернулся калачиком на заставленной деревянными ящиками террасе и предавался дремоте. Когда сон был в самом разгаре, его тело качнулось, и лоб чуть было не стукнулся о стоявший рядом ящик. Не растерявшись, он ловко оперся рукой, перевернулся и уверенно присел на перила по краю террасы.

— Фу... — выждав, пока сонливость отступит, он легко выдохнул, снова спрыгнул с перилл на прежнее место и с недовольством пнул ногой деревянный ящик. Он ненавидел эти ящики: они занимали место, предназначенное для его сна.

Цю Чэн проработал в бригаде электриков еще неделю, сэкономив в общей сложности семь кукурузных лепёшек. В тот день во второй половине дня, закончив работу, он поспешно направился в деревню к западу от Синьнаньского университета.

К настоящему моменту терраса его дома уже была заставлена деревянными ящиками разных размеров. Каждый ящик был наполнен землей, а с помощью тех обломков нефрита заново раскинут Массив Сбора Духов, так что духовная энергия в самом массиве стояла густая и насыщенная.

Те самые первоначальные побеги зеленого лука уже дали немало новых отростков. Если дело пойдет такими темпами, то не пройдет и много времени, как они разрастутся в целый пышный ящик зелени. Вот только лук — вещь несытная, а Цю Чэн в последнее время с утра до ночи был занят делами и еще не успел раздобыть себе какую-нибудь печку или тому подобное, так что условий для разведения огня и готовки дома пока не было.

Цю Чэн пошел вдоль дороги перед главными воротами Синьшэна к реке Синьнань, а затем свернул с дороги и направился к деревне на берегу.

Эту округу Цю Чэн знал довольно хорошо: еще когда он учился в Синьнаньском университете, он часто приходил сюда плавать. В здешних местах тянулись деревни и сельскохозяйственные угодья, никаких заводов не было, и качество воды считалось вполне сносным, а если пройти еще выше по течению, то как раз располагался Городской водозабор Города Синьнань.

Ранней весной солнце все еще садилось довольно рано. Когда Цю Чэн дошел до этих мест, небо уже успело потемнеть. К тому же в этой округе еще не провели электричество, и Цю Чэн мысленно прикидывал, что нужно поскорее обменять семена и отправляться назад, как бы по дороге не нарваться на грабителей.

Пройдя еще немного, Цю Чэн увидел перед рядовыми домами впереди полыхающий костер и направился туда.

— Это еще кто такой? — не успел Цю Чэн подойти близко, как сидевшие у костра первыми обратили на него внимание.

— Понятия не имею, неужели кто-то еще вернулся? — когда разразился вирус Икс, множество молодых людей из их деревни уехали на заработки в развитые прибрежные города. Теперь же, когда военный контроль по всей стране завершился, в последние дни то тут, то там в родные края возвращались молодые парни.

— Ты кто такой? — дрожащим голосом спросила какая-то женщина.

— Я из города, — Цю Чэн остановился в нескольких шагах от костра.

— Чего тебе здесь понадобилось в такую поземку? — какой-то пожилой сельчанин немедленно насторожился: в столь поздний час этот человек точно не мог быть работником, присланным из города.

— Я просто хочу выменять у вас немного семян. Слышал, на днях кто-то из города приезжал в деревни раздавать семена, в вашей деревне ведь тоже выдавали? — спросил их Цю Чэн.

— Ты городской, зачем тебе семена? — снова поинтересовался собеседник.

— Да хочу посадить кое-какие овощи на собственной крыше. Я сегодня принес несколько кукурузных лепёшек, если у кого-то из вас семян в избытке, обменяйте мне немного, — говоря это, Цю Чэн вытащил из-за пазухи несколько кукурузных лепёшек. Площадь террасы была слишком мала, и чтобы не вызывать у собеседников лишних подозрений, Цю Чэн соврал, будто собирается разводить огород на крыше.

— Эти семена для нас, крестьян, — корневая жила нашей жизни, — произнесла крестьянка лет тридцати-сорока.

— Если у вас излишки, поменяйте мне, а раз совсем нет — ну и ладно, завтра пойду поспрашиваю в других деревнях, — Цю Чэн прекрасно понимал, что она говорит так намеренно, желая заломить за семена высокую цену.

— В эти дни в нашей деревне редко кто появляется. Молодой человек, иди сюда, присядь, Расскажи нам, какова сейчас обстановка в городе? И когда же в нашей деревне наконец дадут свет? — доброжелательным тоном поманила Цю Чэна какая-то старушка.

Цю Чэн подошел, выбрал место, где людей было поменьше, и при этом зорко следил за действиями окружающих крестьян, чтобы убедиться, что никто не замышляет пакостей и не заходит к нему со спины.

Цю Чэн немного пообщался с сельчанами, обрисовал им положение дел в городе, а в конце концов обменял те семь кукурузных лепёшек на горсть семян. По ходу дела один из крестьян обмолвился, что дома у него как раз есть семена, и предложил Цю Чэну пройти с ним до его двора, но Цю Чэн отказался, заявив, что сделка состоится прямо здесь, пусть лучше принесут семена сюда.

Получив семена, Цю Чэн тут же поднялся на ноги и ушел, а на уговоры кое-кого из местных посидеть подольше ответил вежливым отказом.

Прижимая к груди узелок с семенами, Цю Чэн быстрым шагом шел вдоль берега реки Синьнань. Но как только он почти поднялся к дороге, из придорожных кустов неожиданно выскочили две фигуры с палками в руках и преградили ему путь.

Чего боялся, то и случилось. Цю Чэн отступил на два шага назад, повернулся вполоборота и увидел, что сзади тоже стоит человек — теперь пути к отступлению были наглухо отрезаны.

На долю секунды у Цю Чэна мелькнула мысль прыгнуть в реку и спастись вплавь, но за эти пять лет было неизвестно, во что превратились речные водоросли, а лезть в воду темной ночью — затея смертельно опасная. Стоило ему допустить хоть малейшую оплошность посреди реки, и этой ночью он был бы покойник. К тому же эти трое, судя по всему, родились и выросли прямо здесь, у реки, и плавали наверняка отлично — еще неизвестно, полезут ли они за ним в

воду вдогонку.

Один против троих — у Цю Чэна не было ни единого шанса на победу, и вскоре от удара палкой он рухнул лицом в землю.

— Ну что, он сдох? — с легким нервным напряжением в голосе спросил молодой парень.

— Быстро проверь, есть ли у него семена. Черт побери, интересно, остались ли еще кукурузные лепёшки? Кругом одна трава да зелень, у меня от нее уже скоро рвота начнется, — злобно прорычал другой голос.

— Шевелитесь давай, хорош языками трепать! — подал голос мужчина средних лет.

— Тятя, а мы его часом не закопаем потом? Если кто обнаружит и начнется расследование, хлопот не оберешься, — снова затянул тот же робкий голос.

— Етить твою мать, как же всё задолбало! — выругался тот человек, продолжая шарить по карманам Цю Чэна. — Куда этот малец засунул вещи?

— Пошарь у него во внутреннем кармане куртки, — бросил мужчина средних лет.

В этот самый момент лежавший без движения Цю Чэн вдруг стремительно перевернулся, пару раз перекатился по земле, в несколько прыжков добежал до обрыва и с плеском сиганул в воду, после чего затих. Вообще-то он не собирался прыгать в реку, но эти трое явно не собирались оставлять его в живых, так что лучше было рискнуть и попытаться вырваться вплавь.

Речная вода весенней ночи леденила кровь. Превозмогая тупую боль и нехватку воздуха в груди, Цю Чэн молча плыл под водой, ни на секунду не смея вынырнуть на поверхность. Затылок саднило — похоже, тот удар палкой рассек кожу, и от соприкосновения с ледяной водой рану прошибало судорожными вспышками боли.

— Сука! — услышал он яростный вопль с берега, следом раздался еще один всплеск, и тяжелая палка шлепнула по воде прямо перед ним.

— Плыдем за ним?

— Ночь на дворе, не лезь в воду, — остановил его мужчина средних лет.

— И вот так дать ему уйти?

— Да добычи все равно кот наплакал, проехали.

— Не согласен я, пойду подожду у моста, не верю, что он не вынырнет...

Цю Чэн доплыл под водой до ближайшей мостовой опоры, обошел ее с тыльной стороны и лишь тогда бесшумно высунул голову, чтобы глотнуть воздуха. Переплывая от одной опоры к другой, он пересек реку на противоположный берег и только после этого потихоньку выбрался из воды, спрятавшись в густых прибрежных зарослях.

Ночью кругом царил непроглядный мрак, даже луна спряталась за тучами. Цю Чэн не рискнул выходить на большую дорогу, а пошел кружным путем по тропинкам и наконец добрался до своего жилого комплекса. Когда он с огромным трудом втащил себя на четырнадцатый этаж, сил не оставалось даже на то, чтобы пошевелить хоть одним пальцем.

Собрав последние крохи воли, Цю Чэн выудил из шкафа какую-то майку, обернул ее вокруг головы и завязал узлом, затем стянул с себя всю мокрую одежду, забрался под одеяло и провалился в тяжелый, дурмнящий сон.

Во тьме на запах крови кто-то приближался. Сначала он зацепился руками за оконный карниз, потом осторожно вытянул голову, убедился, что Цю Чэн мертвецки спит, и одним ловким прыжком нырнул внутрь помещения.

Бесшумно приблизившись, он оперся одним коленом о подоконник, а обе руки прижал к полу, словно передние лапы дикого зверя, медленно подбираясь к Цю Чэну. Затем он слегка согнул длинное тело, вытянулся во всю длину и наклонился еще ниже, приблизив лицо к самому затылку Цю Чэна. Он шумно втянул носом воздух, уловив запах, а потом высунул язык и лизнул окровавленное место. Исключительное, непревзойденное лакомство заставило его черные, как ночная бездна, глаза потемнеть еще сильнее.

Ему было непонятно: этот человек явно ранен, почему же он не идет лечить свои раны на террасу? Такое великолепное место — и всё заставлено какими-то никчемными деревянными ящиками! Какой же странный малый.

— Хм... — после потери крови, ледяной речной ванны и долгого обдувания холодным ветром в мокрой одежде Цю Чэн наконец занемог и начал гореть в лихорадке. Лоб покрылся мелкой испариной, губы потрескались от сухости, и он принялся беспомощно стонать во сне, но никак не мог пробиться сквозь пелену забытья.

Черная тень у кровати снова высунула язык и слизала капли со лба Цю Чэна. Они оказались солоноватыми, и этот вкус пришелся нежеланному гостю не по душе. Запах свежей крови донесся вновь; он сморщил нос, принюхиваясь, и почувствовал, что в желудке снова засосало. В его голове промелькнула мысль: не сходить ли раздобыть себе немного еды?

— Мгм... — лежавший на постели мужчина сдвинул брови и болезненно забормотал.

— ... — тень у кровати в ответ тоже нахмурилась.

— Мгм... — снова издал стон мужчина.

— ... — уголки губ призрачной фигуры опустились. Протянув руки, он подхватил бьющегося в горячечном бреду Цю Чэна вместе с одеялом, закинул на плечо и утащил на террасу, уложив в узком проходе между двумя рядами деревянных ящиков.

Стоило оказаться на террасе, как Цю Чэну сразу стало гораздо легче, хотя лежать приходилось в таком узком пространстве, что даже повернуться не получалось, а ноги приходилось поджимать.

В полусне ему показалось, будто кто-то теплым и мягким языком зализывает рану на его затылке, точь-в-точь как большая кошка вылизывает своего детеныша.

Черная тень присела на корточки на один из ящиков рядом с Цю Чэном, уперев руки между ног. Вдыхая набегающие волны манящего аромата, гость наконец не выдержал, наклонился и сделал один легкий мазок языком, а спустя мгновение не удержался и полизал снова.

На следующее утро Цю Чэн обнаружил, что проснулся прямо на террасе. Тело было легким и полным сил, никакого недомогания не ощущалось. Развязав обвязанную вокруг головы майку,

он пощупал затылок — рана уже затягивалась корочкой, на ощупь она стала твердой и почти не болела.

Но как он вообще очутился на террасе? Неужели сам приполз сюда среди ночи? Наверное, так оно и было: в полубессознательном состоянии люди частенько совершают поступки, а на утро ничего не помнят.

Цю Чэн снова потрогал затылок и поразился: Массив Сбора Духов, оказывается, обладал еще и свойством ускорять заживление ран. Хотя он в свое время и потратил немало времени на переписывание «Записок о культивации древесины», книга была написана на архаичном языке и давалась с трудом. В последнее время он не занимался ее детальным изучением, а лишь отчаянно пытался вырастить с помощью массива хоть какой-нибудь урожай, чтобы спастись от голодной смерти. Большую часть остальных разделов он понимал лишь наполовину, зная лишь, что духовная энергия полезна для культивации, но и представить не мог, что ее можно применять вот так.

Раз уж дело обстоит так, Цю Чэн решил при первой же возможности переставить Массив Сбора Духов заново, охватив им всю свою квартиру целиком.

Прижав одеяло к груди, Цю Чэн вернулся в спальню, достал из ящика стола шорты и прошел в ванную, где перелил немного воды из ведра в таз и наскоро обтерся.

Вспоминая события прошлой ночи, он до сих пор испытывал суеверный страх. Цю Чэн припомнил слова одного из преподавателей из времен учебы в Синьнаньском университете: тот как-то обмолвился за разговором, что те деревни у реки Синьнань в былые времена были разбойничьими заставами, и нрав у тамошнего люда испокон веков был крутой и буйный. Тогда ни Цю Чэн, ни его сокурсники не придали этому никакого значения — летом они точно так же бегали туда купаться, и никогда ничего подобного не случилось.

Кто бы мог подумать, что вчера он едва не расстанется там с жизнью? Похоже, впредь от тех мест лучше держаться подальше, независимо от того, имели ли эти трое отношение к бывшим заставам или нет.

Что же до той тройки негодяев, Цю Чэн желал им немедленно угодить под расстрел: такие отбросы общества, оставаясь в живых, несут лишь бедствия, и еще неизвестно, скольких людей они погубят.

Однако прямо сейчас он ничего не мог с ними поделать. В момент нападения на месте преступления находились только они четверо, свидетелей не было, дубинки, которыми его лупили, полетели в реку Синьнань, вещественных доказательств не осталось. К тому же рана на затылке уже почти зажила — сунься он сейчас в полицию с заявлением, кто ему поверит?

Обтеревшись полотенцем, Цю Чэн достал вчерашний пакет с семенами и критически осмотрел его: семена уже побывали в воде, затягивать с посевом было нельзя, следовало срочно проращивать и сажать. Прошлой ночью ему удалось выменять у деревенских всего две маленькие картофелины, чуть больше десятка зерен кукурузы, несколько семечек перца и пару семян томиров.

По идее, эти семена сначала полагалось прорастить, вырастить рассаду и только потом высаживать в грунт, но всходы в Массиве Сбора Духов росли настолько стремительно, что Цю Чэн опасался: пока его не будет дома, проращиваемые семена перерастут, а в воде никаких питательных веществ не было, и это неизбежно сказалось бы на дальнейшем росте культур.

Глядя на буйно зеленеющий ящик с луком, Цю Чэн проникся огромным доверием к созданному им массиву и решил закопать семена прямо в землю деревянных ящиков. Те две картофелины были слишком крошечными, и после разрезания было неясно, смогут ли они нормально пойти в рост, так что Цю Чэн не стал рисковать и просто закопал их целиком в два разных ящика.

Закончив с посадкой, Цю Чэн вынес на террасу тот самый таз с водой, которой только что умывался, взял маленькую ложечку и аккуратно, ложка за ложкой, полил землей каждую лунку с семенами.

Справившись с этим делом, Цю Чэн взглянул на часы — пора было собираться на работу. После вчерашней ночной кутерьмы он снова потерял изрядное количество крови, однако после ночевки в Массиве Сбора Духов никакого физического дискомфорта не ощущал, если не считать утробного урчания в животе.

— Гур-р-р-р... — желудок издал целую серию протестующих звуков, похожих на барабанную дробь. К сожалению, у Цю Чэна теперь не осталось ни крошки съестного, так что ему пришлось отправляться на смену на голодный желудок. А чтобы никто не заметил затянутую корочкой рану на затылке, Цю Чэн нахлобучил на голову кепку с козырьком.

В последнее время их бригада успешно отремонтировала электросети и наладила подачу света уже в нескольких жилых комплексах, постепенно продвигаясь по закрепленной за ними линии в сторону пригорода. Чем ближе они подбирались к окраинам, тем больше попадалось пустующих зданий, а людей становилось все меньше и меньше.

— Только посмотри, каким преуспевающим был этот сад Биньхэ! Квадратный метр стоил почти под десятку тысяч, а сейчас он превратился в мертвый город, — произнес около десяти часов утра Цю Чэн, пока они с напарником проверяли распределительный щиток.

Напарника звали по фамилии Ли, и все звали его просто Старый Ли. Раньше он держал скобяную лавку, отличался крепким телосложением, отлично разбирался в электропроводке и водопроводе, так что на временной базе считался ценным работником. Они с женой пахали как проклятые: мало того, что вырастили ребенка, так еще и содержали двоих стариков (раньше их было трое, но один скончался пару лет назад).

— В таких высотках без работающих лифтов как вообще жить? — на этот счет у Цю Чэна за последнее время накопилось немало личных впечатлений.

— Э, брат, тут ты ничего не понимаешь. Те люди здесь вовсе не живут, так что наличие лифтов для них погоды не делает, — пояснил Старый Ли, продолжая возиться с проводами. — Ты думаешь, кто покупал здесь квартиры? Много ли среди них было простых работяг, готовых ради жилья последние штаны отдать? Скупали недвижимость сплошь богачи, а у богачей в нашем Городе Синьнань разве бывают дела без прочных связей? Либо у них есть жилье в самом центре, либо их давным-давно через нужных людей переселили поближе к центральному району.

— Выходит, этот район так и останется пустым? — окинув взглядом роскошные высотные дома, Цю Чэн подумал, что это просто пустая трата ресурсов.

— Почему же сразу пустым? Есть ведь и те, кому деваться некуда, вот они и продолжают здесь ютиться, — Старый Ли хихикнул, покосившись на Цю Чэна, и добавил: — Несколько дней назад у моей старухи в больнице... помнишь доктора Лю? Ему ведь тоже целое семейство кормить надо, а на его одну зарплату все домочадцы сроду досыта не ели. Так вот, вернувшись с временной базы, он взял да и продал одну из двух своих квартир. Знаешь, по какой цене он ее

сбыл?

— По какой? — спросил Цю Чэн.

— Пятьдесят цзиней кукурузной муки, — покачал головой Старый Ли.

— Немало, — кукурузная мука нынче — спасительный паек. В нынешние времена кругом полно пустующих квартир, неужели какая-то жилплощадь может цениться дороже человеческой жизни?

— Эх, ты ничего не понимаешь! Квартира-то у них прямо у здания городского правительства примыкала! До них любые новости доходят первыми, любые блага им перепадают быстрее всех, а случись какой шухер — те, кто живет в тех краях, первыми ноги унесут, — Старый Ли только зубами скрипел от досады, что у него самого нет пятидесяти цзиней кукурузной муки, иначе бы он непременно прикупил квартиру в том районе.

— Вакцину ведь уже изобрели, какой еще шухер? — попытался успокоить его Цю Чэн.

— Похоже, ты, парень, вообще ни слухом ни духом о том, что творится вокруг, — покачал головой Старый Ли. — Сейчас всю ходят слухи, что появление вируса Икс напрямую связано с организацией Синьшэн. Пока этот корень зла не вырван с корнем, кто знает, какая еще зараза вылезет наружу? Тебе-то хорошо, бобыль одинокий, никаких забот и привязанностей, а таким, как мы, с оравой на шее, где выдержать подобные потрясения...

— Би-би... — в этот момент со стороны главных ворот комплекса донесся автомобильный гудок.

— О, время обедать! Давай живо сюда свое удостоверение личности. Ты посторожи добро, а я пойду за пайком, — велел Цю Чэн Старый Ли. Оставлять имущество без присмотра было нельзя: в последние дни в Городе Синьнань развелось полно мародеров и собирателей утиля, и если кто-то прихватит их инструменты, они с напарником рискуют вылететь с работы.

Цю Чэн протянул ему удостоверение, вылил на землю остатки воды из фляжки и сунул ее напарнику. Последние дни он носил во фляжке жидкую кукурузную кашу, а после обеда набирал во фляжку свежей воды у ворот комплекса. За исключением самых первых двух дней после возвращения с временной базы, в дальнейшем добывать воду стало довольно просто, особенно для ремонтных бригад, занятых в восстановительных работах — тыловая служба организовывала точки водоснабжения прямо на участках текущих работ каждого звена.

Вскоре Старый Ли вернулся с обедом на двоих. Они уселись прямо у распределительного щитка, запивая кукурузную кашу и закусывая кукурузными лепёшками. В этот день Цю Чэн проголодался до такой степени, что прикончил лепёшку и целую фляжку каши до последней капли, а жесткая, грубая лепешка показалась ему невыразимо вкусной и сладкой.

— Ну и аппетит у тебя, парень, в этой лепешке добрых пол-цзиня весу, — Старый Ли отхлебнул каши, съел едва ли половину своей порции и отложил остальное.

— Хм...